

Мери Каммингс

Серебряное небо

«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84
М52

Мери Каммингс
М52 Серебряное небо / Мери Каммингс – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета:
ООО «Книга по Требованию». – 386 с.

ISBN 978-5-519-66159-1

"Мир после катастрофы - суровый и жестокий, мир, где жизнь человека порой стоит меньше ломтя хлеба или пары рыболовных крючков. Заброшенные развалины городов, разбросанные далеко друг от друга крохотные людские поселения...

Лесли Брин, лекарь и маркетир, бродит от поселка к поселку и торгует обломками прежней цивилизации - нитками и пластиковыми пакетами, оружием и пряностями. На поясе у нее нож, под рукой - заряженный арбалет; ее верные спутники, защитники и друзья - стая полудиких собак.

Казалось бы, что хорошего в такой жизни? Но на самом деле в ней есть место и смеху и радости, и доброте и любви. И Лесли, как и люди во все времена, стремится обрести в этом мире свое счастье..."

Художник - Алеся Резникова

ISBN 978-5-519-66159-1

© Lennex Corp, 2019
© Мери Каммингс, 2019

ПРОЛОГ

МИР ДВАДЦАТОГО ГОДА

Осел погиб незадолго до полудня.

В первый момент, когда он вдруг с ревом дернул повод, шарахнувшись от кучи камней, к которой потянулся, чтобы отщипнуть на ходу пучок полувывсохшей травы, Лесли подумала, что он уколол нос о колючку. Но в следующий миг заметила проблеск всасывающегося под камни темно-бурого чешуйчатого тела.

Все еще на что-то надеясь, она сказала себе: "Он просто испугался! Нет, змея не успела его укусить - не могла!" Но осел уже уже заваливался на бок, все так же ревя и мотая головой. Потом замолк, и это было еще страшнее, чем крик; забился, в последний раз силясь встать, но вновь упал; ноги судорожно дергались, словно в попытке убежать от неизбежного.

Лесли стояла на коленях рядом, растерянно глядя на две кровавые точки, уродующие серый бархатистый нос.

Опомнилась она лишь через пару минут. Больше медлить было нельзя. Вытянула нож из ножен и прикрыла ладонью влажный, глядевший на нее с мольбой глаз.

Одно движение клинка, и кровь растеклась лужицей, быстро впитываясь в песок. Еще раз дрогнули ноги... Все...

Лесли на пару секунд закрыла глаза. Жаль... Потом открыла их и принялась за дело: теперь мертвый осел стал уже мясом, пищей, которую ждали дюжина голодных ртов.

Прежде всего, стараясь не измазать в крови, сняла сбрую и оттащила в сторону чресседельные вьюки. Несколькими ударами

мачете отсекала голову: ее надо похоронить, зарыть поглубже - и потому что неизвестно, как далеко успел распространиться яд, и потому что... все-таки этот осел три года был ее безропотным и верным спутником.

Умело рассекла тушу и махнула рукой Але, предлагая воспользоваться угощением, а сама принялась вырезать из задней ноги кусок мякоти фунтов на десять - завялить. Печенку же можно будет нынче вечером поджарить над костром.

Собаки насыщались долго. Порой отходили, ложились отдохнуть, но потом вновь вставали и возвращались к полуобглоданной туше.

Все это время Лесли сидела, прислонившись спиной к валуну, и мастерила из двух телескопических стеклопластиковых удилиц и козлиной шкуры волокушу - примитивное, но надежное, испытанное десятками поколений индейцев транспортное средство.

Мысли ее при этом текли своим чередом, и главная из них: нужен новый осел. Обязательно. Пока же придется часть товара спрятать. А значит завтра, после ночевки, нужно свернуть на юго-запад - ближайший схрон находился именно там.

А осла будет найти трудно. В основном в поселках разодили лошадей, но лошадь не годится - она слишком много пьет. Да, конечно, она сильнее, и больше груза может нести, но зато проходимость у нее ни к черту - на круче, там, где ослик легко вскарабкается, она упадет и переломает ноги. И по узкой тропинке вдоль скалы тоже не пройдет...

Наконец, в очередной раз глянув на солнце, Лесли решила,

что пора двигаться дальше. До ручья, где она собиралась переночевать, оставалось еще восемь миль, хорошо бы добраться туда засветло.

Но прежде она вытащила из выюка большую алюминиевую миску. Собаки оживились, повскакивали с мест и обступили ее. Она достала флягу - оплетенную полосками змеиной кожи бутылку из-под "Кока-колы". Отвинтила крышку, сделала несколько глотков, оставшуюся воду вылила в миску.

Собаки, толпясь вокруг миски, дружно захлюпали языками. Чуть поколебавшись, Лесли достала из мешка вторую флягу, подлила в миску еще воды - пусть напьются вволю, все меньше на себе тащить.

Достала из кармана тряпицу, смочила и, снова присев у камня, обтерла ею лицо. Подошла Ала, с шумным вздохом плюхнулась рядом. Той же влажной тряпицей Лесли обтерла ей морду и уши; запустила пальцы в густую мягкую шерсть.

- Ну что, моя красавица? Еще немножко - и надо уже идти, правда?

Едва ли собака могла понять, что ей говорят, но махнула хвостом. Лесли привыкла разговаривать с ней - ведь если по две-три недели не с кем словом обмолвиться, то и вообще человеческую речь можно забыть.

Первыми через поросшую травой полянку в излучине ручья прошли собаки; пробежали беспечной трусцой и спустились к воде - попить. Это значило, что поблизости нет ни людей, ни какой-то другой опасности.

Следом на травянистый пяточок вошла и Лесли; сбросив с

плеч лямки волокуши, спустилась к ручью и огляделась в поисках топлива. Повезло - всего в полусотне ярдов вниз по течению на берегу виднелась толстая сухая коряга. Наверное, месяц назад, когда ручей разлился, ее принесло с гор и заклинило между камнями. Потом вода обмелела, а коряга осталась лежать, словно дожидаясь ее прихода.

Разувшись, Лесли добралась до коряги, отволокла ее на полянку и, нарубив толстых щепок, развела костер. Снова спустилась к ручью и набрала пару дюжин ракушек-беззубок.

Солнце уже садилось, начало холодать. Выйдя из воды, она поежилась и натянула куртку. Обвела взглядом окружающую зелень - траву, свесившиеся к воде кусты с молодыми листочками - и вздохнула: будь жив осел, небось подумал бы, что попал в рай.

Мякоть беззубок, ложка муки, несколько перышек сорванного тут же, на берегу дикого чеснока - суп получился отменный. Пока он варился, Лесли успела переделать изрядную толику хозяйственных дел.

Прежде всего ободрала трех добытых за день гремучек и засолила шкурки, мясо кинула собакам.

Нарезала на тонкие полоски ослиное мясо, натерла солью и плотно набила в полиэтиленовый пакет - завтра вечером, когда просолится, можно будет завялить. Спустившись к ручью, перестирала всю одежду; разделась и вымылась сама - уже через силу, дрожа от холода, но пренебречь такой возможностью было нельзя: когда еще у нее будет вдосталь воды!

Наконец, завернувшись в одеяло, Лесли присела у костра. К

бедру привалилась Ала, положила морду ей на ногу. Прочие собаки тоже расположились поблизости - на полянке, куда ни глянь, виднелись светящиеся точки глаз.

Суп оказался настолько вкусным, что она не удержалась, съела больше, чем собиралась. Наконец, скрепя сердце, отставила в сторону котелок с остатками, кинула в него горстку крупки - будет каша на завтрак.

Нанизав на металлический прут, пожарила печенку. Тут же подбежала Дана, прилегла рядом, заглядывая в глаза и принюхиваясь. Ала тихо ревниво рыкнула - больше для порядка, но та не обратила внимания. Лесли оделила печенкой и одну и другую.

Подняла голову, вглядываясь в серебристую пелену над головой и в расплывчатое пятно луны... Похоже, завтра к вечеру начнется дождь; утром нужно выйти пораньше, чтобы успеть посуху добраться до схрона.

Погоню она почувствовала на следующее утро. Точнее, почувствовали собаки: то одна, то другая стали беспокойно оглядываться, поводя головами, словно стремясь поймать доносящуюся издали струю запаха.

Вскоре и до Лесли с очередным порывом ветра донесся еле слышный стрекот мотора. Еще раз, уже отчетливее... Мотоцикл, опеределила она и тут же поправилась: нет мотоциклы, два, а то и три, и, судя по звуку, они все ближе и ближе. И никакого укрытия поблизости... Лишь низкие, чуть выше колена, колючие кустики тут и там. Правда, впереди они, кажется, становились гуще.

Она прибавила ходу. Понятно, что кусты мотоциклу не преграда, но если залечь, укрыться, то, может, и проедут мимо. Если, конечно, они не едут именно по ее следам...

Взглянула вниз, на Алу - та тревожно засматривала в глаза - и махнула рукой:

- Враги! Прятаться всем, быстро!

Старая собака понеслась вперед, к кустам, Стая - за ней. Теперь можно было не бояться, что их перестреляют издалека, в кустах же спрятавшегося койота и за два шага не заметишь.

Лесли на секунду остановилась, взвела арбалет - он свисал на ремне с пояса и не выглядел опасным оружием, но она из него с десяти шагов запросто пробивала короткой, в две ладони, стальной стрелой шею гремучке. И обернулась - как раз вовремя: на вершине пологой дюны в полумиле от нее показались преследователи.

Мотоциклисты... Трое... Они мелькнули на горизонте лишь на миг и тут же исчезли из виду, спустившись с дюны, но у Лесли больше не было сомнений, что едут они именно за ней

Она еще прибавила шагу. Если бы не волокуша, можно было бы побежать... Обернулась снова - мотоциклисты были уже в прямой видимости и стремительно приближались.

Больше Лесли не оборачивалась - смотрела вперед и под ноги. Кусты постепенно становились все гуще, уже мешали идти; колючки пробивали плотную ткань штанов и царапали ноги. Обернулась она, лишь услышав почти вплотную за спиной рев моторов и треск приминаемых шинами веток.

Преследователи объехали ее с двух сторон и остановились, перегородив дорогу. Молодые парни; двое - рыжеватые,

веснушчатые, очень похожие друг на друга - наверное, братья, еще один, со смуглой кожей и черными прилизанными волосами, смахивал на мексиканца. У каждого на поясе - револьвер.

Лесли повела плечами, сбрасывая лямки волокуши. Парни заглушили моторы, ни один из них даже не потянулся к револьверу.

Одинокая женщина, да еще без огнестрельного оружия, в их представлении была легкой добычей. То же, что у женщины имелась поклажа, делало эту добычу еще и ценной.

Пока же можно и покуражиться, и побалагурить.

Первым начал один из братьев:

- Ну и куда ты путь держишь, красавица?

Красавицей Лесли себя никогда не считала, но ответила четко и исчерпывающе:

- В горы.

- А чего от нас убегала?

- Я не убегала.

- А нам показалось, что убегала, - хохотнул парень. - Вот мы и решили догнать тебя и узнать - неужто мы такие ужасные?

За спиной у него чуть шелохнулись кусты. Еще шелохнулись, сбоку...

- Я не убегала, - повторила она. - И вообще не понимаю, что вам от меня нужно! - Пусть считают ее какой угодно дурой - лишь бы им не пришлось в голову сейчас обернуться!

- Да вот спросить хотим - тебе, случайно, не страшно одной?! - продолжал веселиться парень.

- Одной, - Лесли интонацией подчеркнула это слово, - не

страшно.

- Ну ладно, хватит, - сказал мексиканец. - Давай, показывай, что у тебя там, - кивнул на волокушу.

- А в чем дело?!

- Я сказал - давай сюда мешки! - он выразительным жестом положил руку на револьвер.

Она постаралась изобразить на лице испуг - пусть уверятся, что ей не придет в голову сопротивляться - нагнулась, отвязала верхний мешок и швырнула к ногам мексиканца.

Чтобы поднять его, тому пришлось сойти с седла. Придерживая одной рукой мотоцикл, он потянулся к мешку - и в этот момент Лесли выстрелила. Прямо от бедра, не поднимая арбалет.

Он еще падал, схватившись за пробитую стрелой шею, а она, выхватив мачете, уже метнулась к рыжему весельчаку.

- Бей!

О третьем парне можно было не беспокоиться - собаки ринулись на него со всех сторон, словно выметнувшись из самой преисподней.

Противник Лесли перехватил ее правую руку с мачете. Падая вместе с ним и с мотоциклом наземь, Лесли вцепилась зубами ему в щеку. Парень успел ударить ее в челюсть, прежде чем левой рукой она пырнула его под ребра выхваченным в падении ножом; выдернула лезвие из раны и ударила снова - сверху, наискосок, за ключицу.

Изо рта парня хлынула кровь, он дернулся и обмяк. Лесли вскочила, оглядываясь.

Подстреленный мексиканец все еще хрипел и корчился